

ЭТНОЛОГИЯ

ОЛЕНИ И ГАЗ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЯМАЛА¹

А.В. Головнёв, И.В. Абрамов

Полуостров Ямал стал местом встречи и конкуренции несовместимых на первый взгляд технологий оленеводства и газодобычи. Это выражается в пересечении двух самых длинных дорог полуострова: традиционного кочевого пути ненцев с ханской стороны на ямальскую и железной дороги с «материка» на Бованенковское газоконденсатное месторождение. Промышленность меняет облик Ямала в соответствии с новым дизайном природопользования и коммуникаций, в то время как ненецкие оленеводы сохраняют традиционный ритм миграций и пользования пастбищами. Ямал переживает соперничество двух разных стратегий развития, проводниками которых являются традиционное и технологическое общества. Обе стороны наращивают давление на тундру, подрывая тем самым экологическую стабильность в регионе. В этнологической экспертизе сегодня нуждаются не отдельные месторождения и проекты, а весь Ямал как единая экосоциосистема, в которую вписан кочевой уклад жизни оленеводов. Крупнотапное оленеводство ненцев невозможно без сохранения единого пространства трансъямальских маршрутов. Этнологическая экспертиза в таких условиях становится методом минимизации последствий культурного столкновения и конфликтогенной конкуренции.

Полуостров Ямал, оленеводство, ненцы, кочевники, миграции, экологическая экспертиза, антропогенное воздействие, экосоциосистема.

Ямал известен в мире самой крупной группировкой домашних оленей и огромными запасами природного газа. Каждый из этих ресурсов достаточен для профильного развития региона, однако сочетание богатств чревато как «ресурсным проклятием», так и конкуренцией приоритетов. Еще недавно было распространено мнение о принципиальном расхождении оленеводческого и геологического стилей освоения как старого и нового, традиционного и современного, туземного и иноземного. Реалии оказались изящнее умозрительных сценариев, и сегодня кочевники и газовики демонстрируют не только собственные достижения и претензии, но и способность к дипломатии и гибкому взаимодействию. Осмысление сценариев конструктивного взаимодействия «олений и газа» особенно актуально при выборе инструментария освоения новых участков «газоносных тундр». В одном из таких районов в западной части Ямальского полуострова, близ губы Крузенштерна, в 2013 г. была проведена этноэкспертиза, материалы которой легли в основу этой статьи².

Ямал является местом, где впечатляюще раскрылся потенциал кочевого тундрового оленеводства. Среди всех северных народов ненцы достигли наибольших успехов в оленеводстве, сделав его основой собственной культуры и регионального экономического развития. Успехи ямальских оленеводов в постсоветский период дали основания говорить о феномене ненецкого оленеводства [Южаков, 2005]. Ямало-Ненецкий автономный округ стал территорией с самым большим поголовьем домашних оленей на планете — более 700 тыс. голов. Только на полуострове Ямал³, совпадающем территориально с Ямальским районом, выпасается, по официальным данным, около 280 тыс. оленей [Кугаевский, 2013]. Более 5 тыс. чел. ведут кочевой образ жизни (рис. 1).

Одновременно север Западной Сибири располагает самыми большими в России запасами газа. Доля Ямало-Ненецкого АО составляет 23 % мировых разведанных запасов и 60 % общероссийских (без учета шельфа). Ямальский полуостров — самый перспективный на сегодня район освоения с разведанными запасами газа около 16 трлн м³. По расчетам, к 2020 г. добыча

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации».

² Полярный отряд ЭтноЭкспедиции под руководством А.В. Головнёва проводил исследования на Ямале, в том числе этнологическую экспертизу проекта геологоразведочных работ ООО «Газпромгеологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения, в июле — августе 2013 г.

³ 75 % территории составляют пастбища.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

газа на Ямальском полуострове составит 360 млрд м³ газа, что сопоставимо по объему с текущими поставками ОАО «Газпром» на российский рынок и в два раза превышает поставки газа в дальнее зарубежье. Арктические запасы углеводородного сырья имеют стратегический характер для государства; добыча и экспорт газа — безальтернативная для России стратегия развития в ближайшей перспективе, а Ямало-Ненецкий автономный округ — опорный регион реализации этой стратегии.

Рис. 1. Каслание 4-й бригады МОП «Ярсалинское» вблизи губы Крузенштерна, август 2013 г.
Фото И.В. Абрамова.

Пересечение пространственных стратегий

На сегодняшней карте Ямальского полуострова действия газовиков выглядят прорывом Полярного круга — настолько тотально и стремительно их продвижение в Заполярье. Полуостров Ямал буквально расчленен инфраструктурными объектами, и в разных его частях формируются мощные очаги промышленного освоения. Из сельхозоборота выводятся десятки тысяч гектаров тундровых пастбищ. Только в районе Бованенковского месторождения в зоне прямого и косвенного воздействия оказались олени пастбища площадью 170,5 тыс. га, что составляет 3,5 % от общей площади пастбищ МОП «Ярсалинское» [Стратегия..., 2008].

Противостоять экспансии газовиков ненцы могут лишь в правовом поле. За последний век ими был проделан нелегкий путь от активной конфронтации до конструктивного сотрудничества с государством и промышленными компаниями. Вместо удобной роли младшего брата в привычном формате патерналистских отношений ненцы избрали путь большого народа, обладающего самобытной культурой и собственным экономическим потенциалом. За последние четыре столетия ненцы охватили своими кочевьями огромное пространство от Белого моря до Таймыра, и на карте советской Арктики XX в. значились три округа, содержавшие в титуле их этническое имя, — Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Долгано-Ненецкий. В постсоветский период ненцы демонстрируют поразительную адаптивность, умело сочетая традиции и новации в культуре [Головнёв, 2011; Штаммлер, 2013].

Сегодня главные сражения за ямальскую землю ведутся в тиши кабинетов, а итоги подводятся в земельном кадастре. Итоги эти неутешительны, поскольку инициатива в принятии решений принадлежит исключительно одной стороне. Деятельность основного ямальского актора — ОАО «Газпром» и его многочисленных подрядчиков де-факто ничто не ограничивает, так как они исполняют «государеву волю». Это очевидно и для ненцев, их реплики часто предваряются следующим вступлением: «Мы прекрасно понимаем, что газ должен добываться и

разрабатываться, но должны же они...». Пожеланий того, что должны делать газовики, довольно много, и в большинстве своем они понятны и реализуемы, однако голос тундры сравнительно редко доходит до менеджеров Газпрома, принимающих стратегические решения. Газовики сами определяют, что и как они будут компенсировать. Большая часть финансовых вложений уходит на развитие инфраструктуры поселков Ямальского района. Не касаясь кочевых ненцев напрямую, эти меры влияют опосредованно, подталкивая к переходу на оседлый образ жизни.

Формат устройства нефтегазопромыслов на Севере во многом воспроизводит схему горнозаводских округов, существовавшую в дореволюционной России: корпоративные автономии с широкими правами по самоуправлению на вверенной территории. На практике это проявляется в пренебрежении к имеющейся структуре ненецкого оленного хозяйства и местным практикам землепользования. Экспликация имеющихся и проектируемых объектов газовой отрасли показывает, что газовики в первую очередь осваивают возвышенные, хорошо дренированные участки тундры с потенциальными возможностями для развития транспортной сети. Подобные места давно освоены оленеводами по этим же причинам, и в структуре землепользования они играют зачастую ключевую роль (отельные пастбища, подходы к переправам). Проблема отчуждения пастбищ усугубляется тем, что в результате промышленного освоения непригодным становится не только участок отвода, но и прилегающая местность. Косвенное экологическое воздействие от размещения индустриального объекта в большинстве случаев значительнее, чем прямой ущерб от его деятельности [Degteva, Nellesmann, 2013]. Показательна история Сеяхинского святилища, когда мыс, на котором оно расположено, после разработки карьеров превратился в лунный пейзаж [Зенько, 2001; Штаммлер, 2008, с. 84; СМА].

Специфика ямальской геоморфологии заключается в том, что самыми удобными для передвижения являются высокие участки тундр, тяготеющие к срединной части полуострова — возвышенности Хой. Этот «хребет Ямала» вытянут меридионально и формирует водораздел Карского и Обского бассейнов. Прибрежные участки гораздо менее удобные для передвижений в силу низкого гипсометрического положения, заболоченности и значительной ширины рек. Южная и средняя части Ямала являются транзитными для значительного числа оленеводческих бригад,двигающихся от Обской губы в северную часть полуострова. Пройдя главное препятствие на маршруте — р. Юрибей — бригады (муниципальные и частные) начинают расходиться веером к побережьям. На землеустроительных картах обозначены специальные коридоры для муниципальных бригад, в пределах которых они должны двигаться параллельными курсами. Карты эти не отражают идущих теми же маршрутами многочисленных частных оленеводов, которые делают невозможным строгий коридорный порядок. В реальности, по словам ненцев, происходит «игра в шахматы», когда пастухи, соблюдая тундровые нормы и учитывая множество обстоятельств, делают сложные ходы. Маршруты муниципальных бригад могут варьироваться в пределах заданного коридора, иногда чуть выходить за него, по-разному огибать озера и преодолевать реки. Маршруты частных оленеводов во многом совпадают с муниципальными, хронологически привязаны к ним (опережение-запаздывание), но по всем параметрам более вариабельны. Возможна даже полная смена маршрута в связи с непредвиденными обстоятельствами: раннее вскрытие рек, гололед, смешение стад. Сжатые сроки весенних и осенних миграций задают высокую скорость движения, что приводит порой к скоплению стад в проблемных местах, вроде переправы через Юрибей.

Схема касланий, сложившаяся в XIX в. и модифицированная в XX в., в XXI начинает деформироваться под нефтегазовым прессом. Речь идет в первую очередь о значительном сужении вариабельности при принятии решений в форс-мажорных обстоятельствах, когда от бригадира ждут быстрых и верных шагов [Штаммлер, 2008]. Оленеводы стали гораздо более уязвимыми в случае экологических или социально-экономических перемен. В 2000-х гг. трансъямальские кочевые маршруты, приуроченные к «хребту» полуострова, оказались перерезаны железной дорогой Лабытнанги — Бованенково. На участке ст. Хралов — ст. Бованенково железная магистраль⁴ почти полностью совпала с основным направлением кочевий, пересекая по касательной маршруты нескольких оленеводческих бригад (рис. 2).

Железная дорога формирует вокруг себя зону отчуждения. При станциях вырастают ремонтные мастерские, базы техники, склады, значительно увеличивается количество работающих. Только на обслуживании железной дороги постоянно задействовано 800 чел.; на Бованен-

---

⁴ Однопутная неэлектрифицированная железная дорога стандартной колеи.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

ковском месторождении численность персонала достигает в летний период 5 тыс. чел. Это сопоставимо с численностью всех кочевников полуострова. Растущая антропогенная нагрузка сопряжена со значительным производством отходов, которые из тундры полностью не вывозятся. Рекультивация почти никогда не приводит к восстановлению первоначального облика ландшафта и фоновой растительности. И проводится она не всегда: буровые площадки советского периода с остатками металлолома, представляющие собой травмоопасный ландшафт, есть по всему Ямалу.

Рис. 2. Трансыямальские маршруты оленеводов и промышленное освоение Ямальского полуострова.

Ненцы вряд ли предполагали, что, одобрив строительство железной дороги, они дают карт-бланш на освоение придорожной полосы и фактически теряют контроль над этим пространством. В специально изданной для оленеводов памятке по перегону оленей через железную дорогу Обская — Бованенково сказано: *«Категорически запрещается при выпасе оленей допускать их в полосу отвода железнодорожного пути на расстояние ближе 50 метров от полотна железной дороги... Категорически запрещается перегон оленей через железнодорожные пути вне переездов и специально установленных переходов для перегона оленей»* [Памятка..., 2012]. Пока же прямо из вагона можно наблюдать, как олени табунами перебегают дорогу перед движущимся локомотивом, а оленеводы следят за происходящим в бинокли.

Кочевые маршруты в ряде случаев оказались стянуты в узкие, единственно возможные места прохода стад, получившие обозначение бутылочных горлышек — bottlenecks [Degteva, Nellemann, 2013]. Такие места создают значительное напряжение среди кочующих бок о бок бригад. Критическим можно назвать положение на Бованенковском месторождении — в местах прохода ярсалинских стад к побережью Карского моря. *«Если сдвинуть маршрут одной бригады (только в нашем предприятии их восемнадцать, еще есть частники и соседние совхозы), ты затрагиваешь всех, ведь пастбища одни»*, — отмечает директор оленеводческого хозяйства «Ярсалинское» Лилия Якубова⁵.

В настоящее время четвертая и восьмая бригады Ярсалинского хозяйства преодолевают индустриальную часть Бованенковского месторождения за трое суток — это минимум, который необходим для продвижения через оставленное «горлышко». Олени в эти дни недоедают, управление ими затруднено, сами оленеводы находятся в состоянии стресса. Прогон стада и аргишей через бетонные дороги Бованенковского месторождения с приостановкой трафика становится своего рода шоу, которое выстраиваются смотреть все желающие с неизменной в таких случаях мобилографией [Тепляков, Литвинов, 2013]. Оленеводы поневоле становятся актерами чужого спектакля, что им не всегда по нраву [Новикова, 2011, с. 49]. Создание подобных условий для перегона оленей Газпромом подается как достижение. *«Когда я показывал фотографии с Бованенковского месторождения на Всемирном конгрессе оленеводов в Норвегии, многие делегаты не поверили своим глазам. Сказали, что это фотомонтаж. Мы гордимся своим уникальным опытом сотрудничества с Газпромом»*, — отметил Юрий Худи, председатель общественного движения КМНС «Ямал». Сами оленеводы считают, что им просто не оставили выбора. Они просили переходы в одном месте — получили в другом, просили сделать эстакады — получили бетонные сходни на насыпи и дорожные знаки «Осторожно, олени!» (рис. 3).

Сами ненцы свое будущее напрямую связывают с сохранением оленеводства. Несмотря на декларации о защите прав коренных народов, на оптимистичные заявления представителей национальной элиты, рядовые ненцы уверены, что нефтегазовое освоение Ямала обернется для них переводом на оседлость. Большая часть опрошенных коренных жителей⁶ настроены пессимистично относительно выгод для них нефтегазового освоения. В действиях Газпрома кочевые ненцы усматривают медвежью услугу, когда благие намерения оборачиваются негативными последствиями. Национальные лидеры в сравнение, как правило, приводят опыт других северных стран. Так, руководитель общины КМНС «Харп» А.С. Сэротэтто указывает на негативный опыт денежных компенсаций: *«Людам деньги дали — они забыли то, что было. Сейчас в Канаде страшный запой. Им не надо трудиться, потому что эти деньги приходят просто так, они не думают о своем и дальнейших поколениях. Финансовые вложения разрушают не только культуру, но и народ. Мы пришли к другому выводу — с деньгами нужно обращаться осторожно, если оленеводу дать денег, то оленей больше не будет»*.

Как показывает опыт Арктики и других регионов, для любой кочевой культуры перевод на оседлость сопровождается болезненным размыванием идентичности. Вчерашние кочевники зачастую не способны адаптироваться на местах, которые им предлагает город и индустриальная экономика. Некоторая стабилизирующая ситуация происходит со сменой одного-двух поколений и полным форматированием идентичности. Современные ямальские поселки предполагают полную смену образа жизни. Жители динамично развивающегося райцентра Яр-Сале ведут скорее городской образ жизни, нежели сельский. *«У нас такой менталитет, что оленеводы*

⁵ Здесь и далее — цитаты из интервью с жителями Ямала по материалам ЭтноЭкспедиции в Ямальский район ЯНАО, 2013.

⁶ Данные анкетирования жителей с. Яр-Сале и д. Сюнай-Сале, в том числе 70 ненцев. Опрос проводился сотрудниками ИИА УрО РАН С.Ю. Белоруссовой и Н.А. Бабенковой. Ямальский район, 2013.

Олени и газ: стратегии развития Ямала

не будут лопатой махать, черную работу делать», — отмечает оленевод Евгений Худи. При этом многие поселковые ненцы продолжают жить тундрой, поддерживая связи со своей кочующей родней. Большую часть года они живут в благоустроенных поселках, а лето проводят на рыбалках, где ставят «дачные чумы». Почти у всех есть родственники в тундре, и утверждение о том, что истинный дом ненца — это чум в тундре, находит горячий отклик у сельчан. Высказываются и категорические оценки: «Ненец без оленя вообще мертвый». Какой бы высокий пост не занял современный ненец (в администрации, например), к профессии оленевода он относится с большим уважением. День Оленевода по-прежнему главный праздник, статусное мероприятие, обозначающее главные ценности и ролевые модели в обществе. Поэтому проблемы тундры и оленеводов волнуют всех в первую очередь.

Рис. 3. Дорожный знак на Бованенковском месторождении в месте организованного перехода оленей через дорогу, август 2013 г. Фото А.В. Головнёва.

Проблемы кочевых хозяйств

Согласно опросу ненцев, оскудение пастбищ в связи с перевыпасом определено главной проблемой тундры (19,5 % опрошенных); на втором месте — проблемы, связанные с экологическими нарушениями газозиков (11,5 %). По словам одного из бригадиров МОП «Ярсалинское» Ивана Худи, пастбища — самый больной вопрос. Кормовая растительность не успевает восстанавливаться, необратимо меняется состав с более питательных видов (лишайники, кустарники) на менее питательные (травы) [Degteva, Nellemann, 2013; Форбс и др., 2011]. Газодобывающая промышленность усилила проблему выпаса, сделав ее критической. В современных условиях газозики, отчуждая пастбищные земли, не просто усиливают нагрузку на оставшихся наделах, но и формируют ситуацию, в которой ненцы больше прежнего мотивированы на увеличение поголовья, а отнюдь не на его уменьшение, как можно было бы предположить.

Работает связка: больше оленей — больше шансов выжить в усиливающейся конкурентной борьбе за пастбища (эффект большого стада), больше оленей — больше «социальный вес» и размер вероятных компенсаций. Общая картина оленеводства на Ямале такова, что при современном количестве оленей и существующих формах хозяйствования дальнейшее экстенсивное развитие отрасли невозможно. Мы наблюдали сложную систему взаимоотношений частных и муниципальных оленеводов на побережье Крузенштернской губы (западный Ямал), которые пока по традиции учитывают интересы друг друга. Однако коридор договорных возможностей все более сужается, повышая возможность конфликтных отношений. Аналогична ситуация и в соседних ненецких тундрах: Большеземельской, Воркутинской [Мурашко, 2013]. Предприниматель-оленевод Альберт Сэротэтто уверен, что в ближайшие 10–15 лет борьба за

пастбища будет нарастать: «Выживут только сильнейшие, но у многих людей уже не будет оленей. С таким освоением оленей станет меньше или вообще не станет — это будет конец».

Только на пастбищах Ямальского района в настоящее время выпасается более 300 тыс. голов, тогда как экспертами-животноводцами рекомендовано 110 тыс. В XIX в. такая ситуация привела бы к эпидемии и сокращению количества оленей в три-четыре раза, что восстановило бы баланс экосистемы. Сегодня природная саморегуляция перекрывается ветеринарными средствами и процедурами (рис. 4). За последние 30 лет общая численность оленей выросла в два раза, в первую очередь за счет частного сектора. В 1980-е гг. его доля в оленеводстве составляла 39 %, а в 2007 г. уже 82 %⁷. Главный зоотехник МОП «Ярсалинское» Яков Худи отмечает: «В тундре больше народу стало, тесновато. Раньше столько народу не было. У каждого сейчас отдельное хозяйство. Если 20 лет назад 1 чум стоял, сейчас уже пять чумов». В итоге приспособившись приходится оленю. По словам самих ненцев, он заметно измельчал и стал менее вынослив, чем 20–30 лет назад. Значительно снизились основные деловые показатели оленеводства, за период 1985–2007 гг. деловой выход телят на 100 январских маток уменьшился в среднем на 35 %, производство мяса на 100 январских оленей — на 60 % [Стратегия..., 2008, с. 92].

Рис. 4. Оленевод 8-й бригады МОП «Ярсалинское» проводит ветеринарные процедуры. Побережье Карского моря вблизи губы Крузенштерна, август 2013 г. Фото И.В. Абрамова.

Объяснить происходящее проникающими в тундру законами рыночной экономики не получается. Статистика показывает обратное — частные оленеводы «неэффективно» копят оленей. Стадо для оленевода по-прежнему является главным депозитарием и страховкой одновременно, ассоциируется с основным капиталом, оленей даже называют деньгами. Тундровые жители предпочитают бартерные схемы, лишь по необходимости прибегая к сделкам с наличностью. Поселковые родственники в свою очередь заранее готовят товар, который необходим оленеводам. Ненец приобретает снегоход благодаря оленям, а не оленей благодаря снегоходу. Свои олени есть у каждого пастуха, даже если он работает в муниципальном хозяйстве, не предполагая частные олени. Личные олени пасутся вместе с «совхозными», являясь автономным источником средств к существованию. В структуре мясного убоя в Ямальском районе на долю общественного стада приходится 72 %, а на частное стадо — всего 28 %. При этом распределение оленей по формам хозяйства рисует обратную картину — в общественном стаде находится 18 % поголовья, в частном — 82 % [Стратегия..., 2008, с. 88]. Это означает, что частное поголовье продолжает расти, в то время как государственные стада сохраняют относительно

⁷ Данные отдела АПК МО Ямальского района, 2008.

стабильную численность. В итоге Ямальский район оказывается в критическом и наихудшем положении среди районов ЯНАО из расчета пастбищ на количество оленей.

Одной из причин перевыпаса сами ненцы называют недостаточно развитую систему приема-сбыта продукции оленеводства. Евгений Худи заметил: *«Если я хочу забить три тысячи оленей, мне не разрешают, говорят, что можно только две тысячи. У них определенная квота, они не могут закупать так много. Нет потребности на рынке»*. Реально же проблема состоит не в потребностях рынка (они есть), а в нерентабельности сельского хозяйства ЯНАО: убыточность отрасли в 2007 г. составила 59,2 % [Стратегия..., 2008, с. 97]. Даже с учетом дотаций и компенсаций сельскохозяйственным организациям из бюджета убыточность реализованной продукции в 2007 г. в Ямальском районе составила 9,3 %. Приемные цены на оленину и с учетом квот не всегда удовлетворяют частных оленеводов. Следствием такой ситуации является ограниченная способность частных оленеводов забивать оленей для рынка. По словам одного из ярсалинских оленеводов, *«каждый старается забивать оленя на свои нужды. Иначе надо гнать на забойный комплекс за много километров»*. Так или иначе, наличие или отсутствие квот не объясняет полностью проблему перевыпаса.

В плане развития Ямальского района до 2020 г. говорится о снижении численности поголовья до расчетно-обоснованных 110 тыс. голов. О механизме реализации этого плана нет ни слова. Тем временем оттепельное начало зимы 2013–2014 гг. для оленеводов Ямальского района обернулось потерей более 50 тыс. оленей, что составляет около 1/6 части районного поголовья [Кугаевский, 2014]. Это обстоятельство потребовало значительных финансовых вливаний из окружного бюджета, в первую очередь на поддержку частных оленеводов, хотя с точки зрения вышеупомянутого плана событие можно расценивать как естественный фактор регулирования популяции.

Сценарии будущего (вместо заключения)

Дальнейшие планы развития газовой отрасли на Ямале ставят под угрозу систему ямальского крупностадного оленеводства, основой которого являются протяженные маршруты касланий. Освоение новых месторождений на полуострове, развитие железнодорожной сети с выходом на Харасавей, Сабетту и Новый Порт предусматривают значительные изъятия пастбищных земель на Среднем и Южном Ямале. В условиях истощения пастбищ, жесткой конкуренции, растущих зон отчуждения и невозможности изменить маршрут трансъямальские кочевые маршруты могут просто потерять смысл. Ряд сопряженных неблагоприятных событий экологического и социально-экономического характера могут катастрофически сказаться на отрасли.

Этнологическая экспертиза, проведенная нами летом 2013 г. на готовящемся к освоению Крузенштернском месторождении, показала, что при утрате даже половины имеющихся в его пределах пастбищ бригадам МОП «Ярсалинское» нет смысла прорываться к ним через трубопроводные джунгли Бованенково. Из тысячекилометрового пути к Карскому морю выпадут заключительные 100 км — самые важные для нагула. То же касается всех кочующих там частных оленеводов. Освоение одного лишь Крузенштернского месторождения задевает напрямую интересы 230 чел., живущих оленеводством, и косвенно — сотен родственников в поселках и рыбацких чумах, задействованных в кооперации. На глазах у ярсалинских бригад выросла Бованенковская промышленная зона, и они не испытывают иллюзий относительно жизни в техногенном окружении.

Реализацию крупных индустриальных проектов имеет смысл рассматривать по двум сценариям, оптимистичному и пессимистичному: один сохраняет возможность ведения оленеводства, а значит, традиционный уклад жизни сотен человек; второй — принуждает к миграции, векторы и последствия которой труднопредсказуемы, но явно конфликтогенны. Меньшая часть будет искать место в соседней тундре, где будет вынуждена теснить других оленеводов, большая часть оседает в поселках, где столкнется с проблемой адаптации и трудоустройства.

Таким образом, сценарий с изъятием пастбищ из оборота и последующими финансовыми компенсациями потерпевшей стороне по кумулятивному социально-экономическому эффекту в перспективе проигрывает сценарию, в котором сохраняются возможности традиционной практики местного оленеводства. Говоря о возможном ущербе со стороны газодобывающей индустрии, мы в первую очередь должны понимать, что угроза эта адресована кочевой культуре. Только оленеводы в полной мере воспроизводят традиционную ненецкую культуру, которая в поселках без подпитки извне быстро угасает. Физически ненцы выживут и без оленей, но их

культура как свод оригинальных знаний о мире, исключительных практик самообеспечения в суровых условиях будет безвозвратно утеряна.

Крузенштернская ситуация не является уникальной, и с известной долей вероятности ее можно экстраполировать на районы Сабетты, Нового Порта и прочих местностей Ямальского севера. Конкурирующие стороны приближаются к позиции, именуемой в шахматных партиях цугцвангом, когда любое действие или бездействие приводит лишь к ухудшению ситуации. Сегодня нужны конструктивные решения, способные предотвратить надвигающийся кризис оленеводства на Ямале; стратегия развития оленеводства, которая учитывала бы сложную динамичную реальность, а не схематично-статичное представление о ней. Для создания такой картины недостаточно статистики, нужны комплексные исследования. В этнологической и экологической экспертизах нуждаются не конкретные месторождения (этот этап пройден), а тундра Ямала как целостная экосоциосистема. Сегодня существует концептуальный вакуум относительно того, какая программа действий (не деклараций) способна адекватно выразить пересекающиеся интересы газовиков и оленеводов. Только в тесном контакте возможен поиск общих сценариев будущего, где на место конкуренции должна прийти кооперация. Нужна прочная платформа долговременных партнерских отношений недропользователей и оленеводов как залог бесконфликтного пользования ресурсами края. Пересмотру подлежит основополагающий принцип «от компенсаций за причиненный ущерб — к предупреждению ущерба». Долгосрочный форсайт-сценарий развития региона должен учитывать два важных обстоятельства:

1. Из основных природных ресурсов Ямала — оленей и газа — первый положен в основу экономики и культуры оленеводов-кочевников, второй питает технологическую цивилизацию; оба предполагают экстенсивный характер деятельности, при этом первый ресурс возобновляемый, второй — исчерпаемый.

2. Несмотря на малочисленность, коренные жители Ямала образуют тот слой культуры, который издавна делает тундру частью ойкумены. Именно они породили и олицетворяют идею «Арктика — дом», которой так или иначе заражаются (или заряжаются) пришельцы, мигранты и даже случайные гости Севера. Эта мировоззренческая платформа задает совершенно иной настрой современному освоению, даже если очередные покорители Севера убеждены в своем технологическом превосходстве над коренными жителями. Ничто человеческое им не чуждо, и столкнувшись с самобытной северной культурой, они не остаются равнодушными. Иначе говоря, они вполне адекватны, и следует лишь вовремя и основательно вменить им нужную «программу». Главную роль в этом играют коренные северяне: от них самих во многом зависит, что они получают в виде промышленного освоения и бонусов от него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головнёв А.В. Устойчивость и изменчивость культур севера // Науч. вестн. ЯНАО. Салехард, 2011. № 1. С. 3–11.

Зенько М.А. Современный Ямал: Этноэкологические и этносоциальные проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2001. № 139. 50 с.

Кугаевский А.Н. Кочующему населению, пострадавшему от массового падежа оленей, оказана вся возможная помощь. 2014 // Официальный сайт Ямальского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mo-yamal.ru/rech/2510.php>.

Кугаевский А.Н. О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального образования Ямальский район за 2012 год и их планируемых значениях. 2013 // Официальный сайт Ямальского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mo-yamal.ru/administraciya/glava/1541.php>.

Мурашко О.А. «Олени-нелегалы» // Мир коренных народов — Живая Арктика. М., 2013. № 29. С. 57–71.

Новикова Н.И. Оленеводы и промышленные компании: механизмы взаимодействия // Науч. вестн. ЯНАО. Салехард, 2011. № 1. С. 41–57.

Оленеводам Ямала компенсируют падеж животных / УралИнформБюро. 2014 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.uralinform.ru/news/economy/203602-olenevodam-yamala-kompensiruyut-padej-jivotnyh>.

Памятка по перегону оленей через полотно железнодорожной линии Обская-Бованенково и соблюдению правил по выпасу и перегону животных. 2012 // Сайт администрации муниципального образования Приуральский район [Электрон. ресурс]. Режим доступа: priuralye.com/upload/iblock/e85/Pamyatka_po_peregonu_olenev.doc.

Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Ямальский район на период до 2020 г.: 1 этап: информационно-аналитический отчет о социально-экономическом положении

Олени и газ: стратегии развития Ямала

Ямальского района. Рукоп. / ОАО «Сибирский научно-аналитический центр»; Под рук. А.М. Брехунцева. Тюмень, 2008. 304 с.

Тепляков А., Литвинов Г. Бованенково замирает, пропуская олени стада. 2013 // Официальный сайт ОАО «Газпром» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/reports/2013/bovanenkovo>.

Форбс Б., Штаммлер Ф., Кумпула Т., Месштыб Н., Паюнен А., Каарлеярви В. Ямальские оленеводы, газодобыча и изменение окружающей среды: Адаптивный потенциал кочевого хозяйства и его ограничения // Экологическое планирование и управление. 2011. № 1. С. 52–68.

Штаммлер Ф. Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): Возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4. С.78–91.

Штаммлер Ф. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: Революция в тундре? // ЭО. 2013. № 2. С. 6–23.

Южаков А.А. Феномен ненецкого оленеводства // Мир коренных народов — Живая Арктика. М., 2005. № 17. С. 82–87.

Degteva A., Nellemann C. Nenets migration in the landscape: Impacts of industrial development in Yamal peninsula, Russia // Pastoralism: Research, Policy and Practice Pastoralism. Springer Open Journ. 2013 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pastoralismjournal.com/content/3/1/15>.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
andrei_golovnev@bk.ru
ilya_abramov@list.ru

The Yamal peninsula has become a place of meeting and competition of at first sight incompatible technologies of reindeer breeding and gas-extraction. This is expressed in crossing of two longest peninsula roads: a traditional nomadic way of the Nenets from Khaen to Yamal part, and a railway from «mainland» to Bovanenkovo gas condensate field. The industry keeps changing Yamal's look in accordance with a new design of the environmental management and communications, while the Nenets reindeer breeders tend to preserve a traditional rhythm of migrations and using pastures. Yamal experiences the competition of two different development strategies which conductors being traditional and technological societies. The both parts are increasing pressure upon tundra, thus undermining ecological stability in the region. It is not separate gas fields and projects that need ecological examination, but the whole Yamal as an integrated ecosociosystem into which a nomadic life of the reindeer breeders is inserted. The Nenets big herded reindeer breeding stays impossible without preserving the common space of trans-Yamal routes. Under such conditions, the ethnological examination becomes a method minimizing consequences of cultural collision and conflict competition.

Yamal peninsula, reindeer breeding, Nenets, nomads, migrations, ecological examination, anthropogenic impact, ecosociosystem.